

Глава 9

Личина благожелательности, которую Дунхэ Фэн поспешно нацепил при виде родителей, едва не треснула. В его глазах, обращенных к Дунхэ Си, полыхнула затаенная, холодная злоба.

Цю Вань невольно съежилась, и лишь в этот миг до неё по-настоящему дошло, с чего начался весь этот переполох.

«Впрочем, я не считаю своего Юй-гэ'эра виноватым, — думала она. — Ну, толкнул, подумаешь! Не нарочно же. Это просто Дунхэ Си, этот паршивец, такой невезучий — сам виноват, что с ним вечно что-то случается. С какой стати мой сын должен отвечать за чужую неудачливость?»

Однако она прекрасно понимала: при Старом господине и Старой госпоже такие мысли вслух произносить нельзя.

После смерти Третьего брата и его супруга, да еще и после исчезновения юного Чжэня, старики буквально сгорали от вины и жалости к Дунхэ Си. Пикни она сейчас хоть слово против него, и Старая госпожа без колебаний отправит её на колени в родовой храм — вымаливать прощение у предков.

Ван Хунло едва заметно улыбнулась. Пусть события развивались не совсем так, как она планировала, результат её радовал: жалоба была подана в обход Дунхэ Фэна, напрямую верховному суду семьи.

Дунхэ Юаня же внезапно осенило. Он пристально всмотрелся в лицо кузена.

Он всё гадал, почему Восьмой младший брат сегодня кажется таким иным, а его манеры — до странности знакомыми. Теперь юноша вспомнил: именно так Дунхэ Си выглядел и вел себя раньше, когда впадал в беспамятство своей истерии.

Сложив в уме слова Си и его нынешнее состояние, Юань понял — Юй-гэ'эр сам напросился.

При этой мысли Дунхэ Юань нахмурился еще сильнее.

«Матушка совсем избаловала младшего брата. Неужели Юй забыл, чем заканчивались его прошлые попытки задеть кузена во время приступов?»

Хочешь досадить Дунхэ Си — знай меру. А теперь Юй не только довел его до потери памяти, но и спровоцировал новый приступ истерии. Что ж, он получил по заслугам.

И всё же Юань, как старший брат, не мог смириться с таким унижением. Юй-гэ'эр, в конце

концов, — гэ'эр, существо нежное. Глядя на его промокшее, извазюканное в грязи тело и бледное лицо, Юань понимал: Си изрядно над ним поглумился.

Но горький опыт подсказывал — когда Дунхэ Си в состоянии истерии, лучше к нему не лезть. Если кто-то, кроме пары-тройки избранных, рискнет сейчас встать у него на пути, тот без раздумий пустит в ход кулаки.

Дунхэ Юань невольно поежился, вспомнив, как сам когда-то попал под горячую руку кузена. Старые синяки словно заныли вновь.

Вскоре процессия достигла главного зала, и все начали рассаживаться.

Спустя несколько минут, сопровождаемые слугами, вошли еще один мужчина и две женщины. Прошло совсем немного времени, и все домочадцы, находившиеся в поместье, собрались под одной крышей. Не хватало лишь тех, кто уже покинул семью, вступив в брак, покойных Дунхэ Цзюня с его супругом, пропавшего Дунхэ Чжэня, да совсем маленьких детей Юаня и Фэя.

Старый господин и Старая госпожа величественно заняли почетные места во главе стола. Бабушка усадила Дунхэ Си подле себя, демонстративно проигнорировав недовольную мину Цю Вань.

По правилам, пока живы старшие, места слева и справа от них должны занимать наследники и старшие внуки. Дунхэ Фэн сел слева от отца, а место справа от бабушки по праву принадлежало законному внуку — Дунхэ Юаню.

Однако никто из присутствующих, кроме, пожалуй, самой Цю Вань, не выказал и тени возмущения тем, что почетное кресло занял Дунхэ Си. Даже сам Юань предпочел не заметить этой вопиющей несправедливости.

Дунхэ Си небрежно сбросил бесчувственного кузена в кресло справа от себя. По правде говоря, ему больше хотелось швырнуть его на пол, но юноша вовремя спохватился.

Старики души в нем не чают, но Дунхэ Юй — тоже их внук. Одно дело — проучить его в саду за утреннюю подлость, и совсем другое — оскорбить достоинство деда с бабкой, бросив их родственника к ногам, словно дохлую собаку.

Усевшись поудобнее, Си принялся внимательно изучать собравшихся членов семьи Дунхэ.

Напротив него сидел старший дядя — Дунхэ Фэн. Природа наградила его приятной внешностью: даже в сорок с лишним лет в его чертах угадывался былой красавец. Однако ни ухоженное лицо, ни дорогая одежда не могли скрыть проглядывающую сквозь лоск сущность —

эгоистичную, изворотливую и насквозь фальшивую. А то, как он косился на племянника, выдавало в нем человека недалекого.

Особенно его глупость бросалась в глаза, когда в ответ на взгляд Си в выражении лица дяди проскальзывала тень угрюмости.

Рядом с ним устроилась его жена, старшая тетушка Цю Вань. Её некогда миловидное лицо сейчас было перекошено от злобы, превращая её в карикатуру на саму себя. Вся её глупость и дурной нрав сейчас проступили наружу, как жирные пятна на шелке.

Далее сидела наложница Ван Хунло. Годы были к ней милостивы: в каждом её движении, в каждой полуулыбке чувствовалось то особое очарование, которое приходит лишь с опытом. Неудивительно, что она ухитрялась вести войну с законной женой на протяжении двадцати лет и ни в чем ей не уступать. Встретившись взглядом с Си, она мягко улыбнулась — в этой улыбке не было и следа той насмешки, что он видел в саду, лишь чинное благорасположение старшей к младшему.

За ней примостилась наложница Чэнь. Она сидела тихо, с бесстрастным лицом и спокойным взглядом, напоминая тень. Радость, печаль — казалось, ничто не способно потревожить её покой.

Два места рядом с ней пустовали. Си знал — когда-то здесь сидели его покойные родители.

По его сторону стола, через кресло от бесчувственного Юя, сидел Дунхэ Юань. Он был весьма похож на отца, но сейчас выглядел рассеянным, погруженным в какие-то свои думы.

Рядом с ним сидела госпожа Чжоу — жена уездного начальника. Красивая, споры нет, но спеси в ней было на десятерых. Она смотрела на всех присутствующих с таким видом, будто случайно оказалась в обществе жалких простолюдинов. Си попытался вспомнить, что говорил о ней Мо Шу, но на ум не пришло ничего особенного об этой четвертой невестке.

Юноша перевел взгляд дальше, на Дунхэ Фэя. Тот выглядел человеком мягким и добродушным. Заметив внимание Си, он тепло улыбнулся и кивнул, словно приободряя младшего брата. Юй Янь сидела подле него, её улыбка была скромной, но в глазах, когда она смотрела на мужа, светилась искренняя нежность. Было видно, что этих двоих связывают настоящие чувства.

И, наконец, Седьмой старший брат — Дунхэ Цин. Он унаследовал красоту Ван Хунло, но родовые черты семьи Дунхэ придали его облику больше мужественности.

Заметив, что Си смотрит на него, Цин едва заметно улыбнулся. Его взгляд на миг скользнул к распластавшемуся в кресле Юю, после чего он задорно подмигнул Си и украдкой показал большой палец.

Дунхэ Си в ответ весело сощурился. Улыбка на лице Дунхэ Цина стала еще шире.

Старики, сидевшие во главе стола, подмечали каждое движение в зале. Увидев немую перекичку между Си и Цином, они лишь обменялись понимающими взглядами, в которых промелькнула тень улыбки.

Старый господин негромко кашлянул, призывая всех к порядку. Дождавшись, когда воцарится тишина, он заговорил веско и сурово:

— Раз все в сборе, пора разобраться, что за представление вы тут устроили и с чего всё началось. Кто заговорит первым?

Он медленно обвел взглядом присутствующих.

Дунхэ Фэн и остальные уже слышали обрывки слухов от слуг, но полной картины у них не было. Поэтому все взоры обратились к тем, кто был в саду: Цю Вань, Ван Хунло, Юй Янь и, конечно, самому Си. Дунхэ Юя, пребывающего в глубоком забытии, в расчет не брали.

Цю Вань открыла было рот, но тут же поняла, что ей нечего сказать. Она знала лишь, что её сын и Си утром повздорили в беседке, после чего Си оказался в пруду, а лекарь Ли диагностировал у него потерю памяти.

Она сама велела Юю отнести кузену подарки — не по доброте душевной, а чтобы соблюсти приличия. Если бы Старая госпожа узнала, что она сквозь пальцы смотрит на раздоры в доме, её бы сурово покарали за неумение вести дела. Да и в кругу знатных дам Хайаня пошли бы слухи о её жестокости к сироте, а это закрыло бы перед ней многие двери.

А потом прибежали слуги Юя, вопя, что Дунхэ Си избивает их хозяина. Вот и всё, что ей было известно.

Ван Хунло и Юй Янь знали и того меньше, а потому предпочли благоразумно промолчать.

Дунхэ Си усмехнулся, вскинув бровь:

— Пожалуй, пусть лучше расскажут Мо Шу и Мо Янь. Сами понимаете, перед тем как Шестой брат столкнул меня в пруд, я сильно ударился головой и потерял память, так что не всё помню ясно. Мои слуги были там с самого начала. О, и слуги Шестого брата, кажется, те четверо — «Четверо Сезонов»? Их тоже стоит позвать.

Он ввернул напоминание о поступке Дунхэ Юя так естественно, словно между прочим, еще раз подчеркнув для всех: он не просто так распускал руки, у него была веская причина.

Люди Ван Хунло едва сдерживали смех, и лишь присутствие главы дома заставляло их сохранять серьезные мины.

Личина благородства на лице Дунхэ Фэна едва не треснула окончательно. В его взгляде проступила неприкрытая стужа.

Но разве Дунхэ Си мог испугаться?

Не будь в этом мире столь строгих законов, карающих за избиение старших родственников, он бы с превеликим удовольствием проучил и самого Фэна, и всю его камарилью за всё, что пришлось вытерпеть прежнему владельцу этого тела.

Так что, поймав взгляд дяди, он не только не отвел глаз, но и улыбнулся ему, весело сощурившись и всем своим видом выказывая неприкрытый вызов.

Дунхэ Фэн едва сдержался, чтобы не сорваться. Ему пришлось сделать глубокий вдох, чтобы сохранить перед родителями привычное выражение лица.

Закончив обмениваться любезностями с дядей, Си жестом велел Мо Шу и Мо Яню выйти на середину зала. Юноша ведь «потерял память» — и хотя уже знал всю правду от своих людей, жалоба, слетевшая с чужих губ, всегда звучит куда убедительнее.

Да и обвинить его слуг в пристрастности никто не посмеет — ведь всегда можно вызвать четверых слуг Дунхэ Юя и устроить им очную ставку.

<http://bllate.org/book/15311/1354339>